

Екатерина II—законодательница ¹⁾.

Начиная съ Петра Великаго, которымъ была сдѣлана первая попытка кодификаціи законовъ, изданныхъ послѣ 1649 г. съ устарѣлымъ Уложеніемъ Алексѣя Михайловича, и до изданія полнаго свода законовъ въ 1835 г., въ царствованіе Николая I, мы видимъ, на протяженіи цѣлаго столѣтія, рядъ попытокъ кодификаціи русскихъ законовъ, но всѣ онѣ оказались безплодны и не привели къ желаемому результату; причиною этого было не бездѣйствіе комиссій, коимъ ввѣрялось это дѣло, но прежде всего отсутствіе въ то время научно-образованныхъ юристовъ и опытныхъ юристовъ-практиковъ; это сознавалъ уже Петръ Великій, и посылка имъ молодыхъ дворянъ за границу для занятій юриспруденціей свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ старался устранить это зло; назначая стипендіи лицамъ, ѣхавшимъ за границу изучать право, и открывая имъ перспективы быстрой и выгодной служебной карьеры, Царь хотѣлъ побороть этимъ свойственную русскимъ дворянамъ нелюбовь къ гражданской службѣ и побудить ихъ избирать этого рода дѣятельность.

Пятьдесятъ лѣтъ спустя положеніе дѣлъ мало измѣнилось. Екатерина, вскорѣ по восшествіи своемъ на престолъ, также послала для изученія юриспруденціи въ Лейпцигскій университетъ двѣнадцать молодыхъ дворянъ, въ числѣ коихъ былъ извѣстный А. Н. Радищевъ, и ею были подтверждены предоставленныя Петромъ Великимъ рус-

¹ Beiträge zur Geschichte Katharinas II. Die instruktion zur Abfassung eines neuen Gesetzbuches. von Friedrich Andreae.

скимъ дворянамъ льготы при поступленіи на службу по судебному вѣдомству.

Эти мѣры, точно также какъ при Петрѣ Великомъ, не принесли особенной пользы, и одинъ нѣмецкій путешественникъ, посѣтивъ Россію въ 1794 г., утверждалъ, что „человѣкъ небогатый, поступивъ на службу не имѣя протекціи, подвигается по службѣ весьма медленно, хотя бы начальство аттестовало его съ наилучшей стороны, и что тотъ, кто, понадѣявшись на обѣщанія, данныя Императрицею, поступаетъ на службу въ канцелярію, сидитъ тамъ до сѣдыхъ волосъ“.

Успѣшному ходу работъ комиссій, на которыя возлагалась разработка законовъ, мѣшала самая постановка дѣла; къ участию въ этихъ временныхъ комиссіяхъ трудно было привлечь мало-мальски свѣдущихъ лицъ, къ тому же они нерѣдко получали новыя назначенія и оставляли занятія въ комиссіи, едва успѣвъ ознакомиться съ дѣломъ, и ихъ замѣстителямъ приходилось начинать работу сначала. Иногда случалось, что смѣнялись всѣ члены комиссіи, оставался только редакторъ и кописты.

Работа тормозилась еще тѣмъ, что подборъ законовъ, подлежащихъ кодификаціи, былъ сопряженъ съ большими затрудненіями. До 1802 г., когда при Сенатѣ былъ учрежденъ архивъ, въ Россіи не существовало центральнаго хранилища для законодательныхъ актовъ, которые препровождались, большею частью въ рукописномъ видѣ, для руководства въ подлежащія коллегіи и судебныя учрежденія, и такимъ образомъ комиссіи, на обязанности которыхъ лежало собрать узаконенія, должны были разыскивать указы и повелѣнія по канцеляріямъ различныхъ учреждений, гдѣ они хранились въ полномъ небреженіи, и привозить ихъ издалека. Это не только замедляло работу комиссій, но, при небрежности низшихъ должностныхъ лицъ, дѣлало ее совершенно непроизводительной.

Отличительною чертою всѣхъ комиссій было отсутствіе ясно выработаннаго плана и полная безсистемность работъ. Каждая новая комиссія не только не продолжала трудовъ своей предшественницы и не избѣгала повторять ея ошибокъ, но какъ бы ставила себѣ цѣлью „испробовать свои силы въ какомъ-нибудь новомъ экспериментѣ“. Весьма характерна въ этомъ смыслѣ судьба законодательной комиссіи, учрежденной Петромъ Великимъ въ 1700 г. Такъ какъ комиссія работала, по мнѣнію Царя, слишкомъ медленно, то онъ рѣшилъ со свойственной ему энергіей „насилъственно“ довести кодификацію до конца и издалъ указъ, коимъ всѣ узаконенія, несогласовавшіяся съ уложеніемъ, объявлялись недействительными.

Такимъ образомъ явилось на свѣтъ быстро составленное Сводное

Уложение, которое не было ни утверждено, ни напечатано, но коимъ долгое время руководствовались русскія судебныя установленія.

Петръ Великій какъ бы предуказалъ своимъ преемникамъ два пути, по которымъ могли идти законодательныя работы: либо согласовать Уложение Алексѣя Михайловича съ изданными позднѣе законами, либо разрѣшить законодательную проблему, выработавъ непосредственно новое самостоятельное Уложение. Колебанія между этими двумя противорѣчивыми системами продолжались весь XVIII вѣкъ и тормозили не только законодательныя труды комиссій, но и самое собраніе законовъ. Единственно, къ чему стремилась всякая комиссія—это закончить свой трудъ какъ можно скорѣе. Уложение 1649 г. было закончено въ короткій срокъ—немного менѣе трехъ мѣсяцевъ—это былъ образецъ, которому стремились подражать всѣ законодательныя комиссіи, и въ общемъ онѣ болѣе увлекались мыслию начертать новые законы, нежели заботились о розыскѣ старыхъ, что составляетъ всегда трудъ утомительный и не сулящій славы.

Таковы, въ общихъ чертахъ, обстоятельства, предшествовавшія самой интересной изъ неудавшихся законодательныхъ попытокъ, такъ называемой „большой комиссіи“, созванной Екатериной въ 1767 г. для составленія новаго Уложенія. Комиссія эта, какъ извѣстно, замѣчательна въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, потому, что къ участию въ пей были вызваны депутаты со всей Россіи, и во-вторыхъ, по Наказу, начертанному Екатериной собственноручно для руководства депутатамъ. И то и другое имѣло цѣлью доставить законодательной попыткѣ Екатерины европейскую славу. И дѣйствительно, корифеи западно-европейской литературы были повергнуты въ изумленіе попыткой русской Царицы выслушать мнѣніе народныхъ представителей, которая была охарактеризована *Meñée de la Touche*—лицомъ близкимъ къ Бомарше, какъ „первая дань, заплаченная разуму самодержавной монархической властью“. Мы знаемъ, что сама Екатерина подъ конецъ жизни относилась весьма скептически, чтобы не сказать враждебно, ко всѣмъ попыткамъ управленія при участіи народныхъ представителей, но въ 1766 г. мысль созвать депутатовъ со всѣхъ концовъ Россіи принадлежала всецѣло самой Императрицѣ и была навѣяна на нее чтеніемъ западно-европейскихъ писателей.

Наказъ, данный Екатериной комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія, представлялъ собою нѣчто невиданное, не имѣвшее прецедента, и былъ возможенъ лишь въ тотъ вѣкъ просвѣщеннаго абсолютизма, но однако ни Фридрихъ Великій, ни Іосифъ II не рѣшились сдѣлать ничего подобнаго. Напротивъ того, Фридрихъ при редактированіи *Corpus Fridericianum* предоставилъ своему канцлеру,

по профессіи юристу, полную свободу въ разработкѣ законовъ, ограничивъ свое участіе въ этомъ дѣлѣ рѣчью „Dissertation sur les raisons d'établir ou d'abroger les lois“, прочитанной имъ въ засѣданіи академіи въ 1749 г., въ которой были изложены общіе взгляды на принципы законодательства.

Хотя въ Наказѣ Екатерины также излагались только общіе принципы, но они излагались въ предположеніи, что они будутъ примѣнены въ новомъ уложеніи на практикѣ, либо какъ коррективъ къ существовавшимъ законамъ, либо какъ основные принципы для тѣхъ законовъ, которые должна была выработать законодательная комиссія. Принципы, заимствованные изъ „Духа законовъ“ Монтескье, должны были вдохнуть новую душу въ русское законодательство и хотя отдѣльныя статьи Наказа были заимствованы изъ сочиненій западныхъ писателей, но Екатерина была такъ глубоко проникнута идеями, изложенными въ ихъ сочиненіяхъ, онѣ такъ претворились въ ея умѣ, что на составленный ею Наказъ можно смотрѣть, какъ на ея собственное произведеніе.

Изъ записокъ Императрицы мы знаемъ, что, пріѣхавъ въ Россію, честолюбивая юная Великая Княгиня Екатерина Алексѣевна отрѣшилась отъ всего прошлаго: отъ своего отечества, отъ семьи и вѣры, чтобы сродниться съ Россіей. Это выразилось не только въ ея страстномъ желаніи сблизиться съ окружающими ее русскими людьми, но въ особенности въ той энергіи, съ какою она стремилась какъ можно скорѣе играть роль въ новой для нея средѣ. Чѣмъ живѣе чувствовался ею разладъ съ лѣнливой и безпечной Елисаветой Петровой и съ грубоватымъ Петромъ Фелоровичемъ, тѣмъ энергичнѣе она хваталась за всякій случай заявить о себѣ. Это стремленіе молодой женщины снискать любовь окружающихъ („affection du public“) имѣло рѣшающее значеніе въ исторіи ея умственного развитія.

По собственному признанію Екатерины, при отъѣздѣ въ Россію она была достаточно образована, чтобы быть женою любого изъ сосѣднихъ принцевъ. Со стороны Императрицы Елисаветы для ея дальнѣйшаго образованія не было ничего сдѣлано, она только дала ей учителя русскаго языка и преподавателя закона Божьяго. Въ инструкціи, составленной въ 1746 г. для Великаго Князя, ему запрещалось чтеніе романовъ, чтеніе же „книгъ рекомендовалось въ послѣобѣденное и вечернее время“, если бы у него не было въ это время охоты къ болѣе серьезнымъ занятіямъ. Въ инструкціи, составленной для Великой Княгини, о чтеніи вовсе не упоминалось. Изъ этого видно, что о какихъ-либо умственныхъ запросахъ по отношенію къ Екатеривѣ при русскомъ дворѣ не было и рѣчи. Графъ Гилленбергъ

шведскій посланникъ, прїѣхавшій къ русскому двору со спеціальной миссіей въ 1744 г., первый далъ ей совѣтъ читать серьезныя книги, между прочимъ сочиненія Монтескье, говоря, что она окружена столькими подводными камнями, что она можетъ погибнуть, если не будетъ стоять выше всѣхъ по уму, который ей необходимо развить чтеніемъ лучшихъ сочиненій.

Екатерина, съ присущимъ ей „серьезнымъ, разсудочнымъ, холоднымъ умомъ“ сразу дала себѣ отчетъ въ томъ, что при умственно лѣнивомъ дворѣ Императрицы Елисаветы начитанность представляла собою нѣчто необычайное, незаурядное и слѣдовательно дала бы ей возможность самымъ выгоднымъ образомъ выдѣлиться среди окружающихъ.

Вначалѣ цѣль, къ которой стремилась Екатерина, была чисто внѣшняя. Ей казалось достаточнымъ, чтобы ея стремленіе къ образованію было признано. Но нѣсколько времени спустя послѣ первой встрѣчи съ гр. Гилленбергомъ Екатерина записала: „я вижу съ удовольствіемъ, какъ съ каждымъ днемъ возрастаютъ ко мнѣ симпатіи общества, которое смотритъ на меня какъ на интереснаго ребенка, не лишеннаго ума“. Ей было пріятно отмѣтить, что окружающіе дѣлали разницу между нею и ея мало интеллигентнымъ супругомъ, который ничего не читалъ, или довольствовался чтеніемъ лютеранскихъ молитвенниковъ и рассказовъ. Но первое время знакомство съ литературными произведеніями было для Екатерины только средствомъ, а не цѣлью; она поглощала довольно много книгъ безъ разбора, хватаясь за все, что ей попадало въ руки или что ей совѣтовали прочесть болѣе видные люди при императорскомъ дворѣ, какъ напр. прусскій посланникъ Мардфельдъ или лейбъ-медикъ Лестокъ. Рѣшивъ по совѣту послѣдняго прочесть словарь Bayles'a отъ А—Z, она выказала этимъ скорѣе желаніе выполнить трудную работу, по совѣту чловѣка, пользовавшаго ея уваженіемъ, нежели стремленіе познакомиться съ трудомъ французскаго автора. Вообще, хотя Екатерина много читала, но болѣе серьезное, сознательное отношеніе къ литературѣ проявилось у нея лишь въ 1754 г., когда она впервые прочла Монтескье „Esprit des lois“ и Вольтера „Essai sur les moeurs et l'esprit des nations“.

Чтеніе этихъ книгъ и по ихъ содержанію, и по тому особому настроенію, въ какомъ находилась въ ту пору Великая Княгиня, должно было произвести на нее сильное впечатлѣніе: не подлежитъ сомнѣнію, что, несмотря на совѣтъ, данный ей графомъ Гилленбергомъ въ 1744 г. прочитать сочиненія Монтескье, Екатерина познакомилась съ ними лишь десять лѣтъ спустя, когда

„Духъ законовъ, какъ писалъ аббатъ Рейналь герцогинѣ Саксенъ-Готской, сталъ настольной книгою въ кабинетахъ ученыхъ и въ уборныхъ дамъ и петиметровъ“.

Простота и ясность изложенія этого, столь быстро распространившагося и вошедшаго въ моду сочиненія произвела сильнѣйшее впечатлѣніе на Великую Княгиню, до тѣхъ поръ совершенно незнакомую съ трактовавшимися въ нихъ вопросами и въ силу этого оказавшейся чрезвычайно воспримчивой ко всякому политическому ученію.

Въ 1754 г. Екатерина стала матерью. Рожденіе такъ давно ожидаемаго наслѣдника престола освободило Великую Княгиню отъ докучливаго надзора со стороны Елисаветы Петровны и ея приближенныхъ. Престолонаслѣдіе было обезпечено, и личная жизнь Великой Княгини не представляла уже для придворныхъ прежняго интереса. Получивъ, такимъ образомъ, возможность свободнѣе и спокойнѣе заниматься самообразованіемъ, Екатерина была до глубины души оскорблена тѣмъ, что къ ней, матери наслѣдника престола, относились такъ пренебрежительно. Благодаря этому ея стараніе выдвинуться, привлечь къ себѣ вниманіе окружающихъ казалось уже безцѣльнымъ и ненужнымъ. Лишенная возможности заняться воспитаніемъ сына, она не находила исхода томившей ее жадѣ дѣятельности. Отсутствіе этой дѣятельности и прямыхъ заботъ, а равно отчужденность отъ окружающихъ вызвала въ душѣ Екатерины чувство заброшенности и томительнаго одиночества, которое усугублялось тѣмъ, что она лишилась въ это время общества своего друга—Сергѣя Салтыкова. Таково было угнетенное состояніе духа, въ какомъ Екатерина приступила къ чтенію Вольтера, Монтескье и Беккариа.

Подъ вліяніемъ этого настроенія, прочитанное не только произвело на нее огромное впечатлѣніе, но придало ей мыслямъ совершенно иное теченіе; Екатерина стала относиться критически къ тому, что происходило у нея на глазахъ, и очень скоро, не ограничиваясь критикою лицъ и фактовъ, она подвергла ей всю тогдашнюю Россію съ точки зрѣнія идеальнаго государства, начертаннаго Монтескье; а выводомъ изъ этого сопоставленія было то, что она ясно увидѣла полное несоотвѣстіе русской государственной дѣйствительности и русскихъ законовъ съ законодательными теоріями Монтескье.

Изъ критики русской дѣйствительности, возникшей на почвѣ знакомства съ иностранной литературой, въ умѣ Екатерины возникли совершенно опредѣленные требованія относительно будущаго, какъ это явствуетъ съ очевидностью изъ ея писемъ, относящихся къ послѣднимъ годамъ жизни Елисаветы Петровны.

Она излагала въ нихъ не отрывочныя мысли, навѣянныя чтеніемъ, а рядъ принциповъ, связанныхъ одной общей идеей и составляющихъ какъ бы одно цѣлое. Въ изложеніи этихъ мыслей сказалась уже не супруга будущаго монарха, а сама будущая монархиня, которая заблаговременно намѣчала себѣ рядъ основныхъ правилъ, коими были проникнуты впослѣдствіи всѣ ея правительственныя мѣропріятія и которыя должны были создать ей славу и обезпечить благополучіе ея подданныхъ.

Этотъ удивительный фактъ объясняется поворотомъ, совершившимся въ взглядахъ и настроеніяхъ русскаго двора въ 1750-хъ годахъ. Ухудшившееся состояніе здоровья Елисаветы Петровны заставляло приближенныхъ ожидать скорой перемены царствованія. Великій князь Петръ Ѳедоровичъ былъ слабъ здоровьемъ и велъ такой образъ жизни, при которомъ онъ не могъ рассчитывать на долговѣчность. Кромѣ того народъ не любилъ его за пренебреженіе русскими обычаями, а придворные ненавидѣли его за высокомеріе и ребяческое своеправіе. Всѣ сомнѣвались, чтобы ему удалось долго удержать престолъ, и взоры всѣхъ были обращены на великую княгиню, къ которой должна была перейти власть какъ къ опекуншѣ ея несовершеннолѣтняго сына. Никто иной, какъ самъ канцлеръ Бестужевъ, передалъ Екатеринѣ еще въ 1757 г. проектъ, согласно которому, въ случаѣ кончины Императрицы Елисаветы, великая княгиня должна была стать правительницей имперіи.

Эти виды на будущее дали исходъ томившей Екатерину жаждѣ дѣятельности, и въ ея умѣ выработался мало-по-малу совершенно опредѣленный взглядъ на призваніе монарха; вмѣстѣ съ тѣмъ росла увѣренность, что она не всегда будетъ безучастной зрительницей происходящаго, но выступитъ современемъ въ дѣятельной роли руководительницы судьбъ Россіи и что ей удастся направить ее согласно со своими взглядами.

Эта вѣра въ болѣе широкое будущее не поколебалась и въ послѣдніе годы царствованія Елисаветы, самые тяжелые годы въ жизни Екатерины, когда она была очень одинока. Полная идей, плановъ и надеждъ на будущее, она не имѣла въ это время никого, съ кѣмъ бы она могла подѣлиться своими надеждами; ей оставалось только повѣрять ихъ бумагѣ. Замѣтки, которыя Екатерина набрасывала въ то время карандашемъ на отдѣльныхъ листахъ бумаги, весьма характерны и даютъ ключъ для уясненія слагавшихся въ то время ея политическихъ взглядовъ.

„Желаю и хочу только блага странѣ, въ которую привелъ меня Господь“, записала она однажды. „Слава ея дѣлаетъ меня слав-

ною. Вотъ мое правило, и я буду счастлива, если мои мысли могутъ въ томъ содѣйствовать“.

А вотъ ея взглядъ на сущность монархической власти: „Власть безъ довѣренности народа ничего не значить. Легко достигнуть любви и славы тому, кто этого желаетъ; примите въ основу вашихъ дѣйствій, вашихъ постановленій благо народа и справедливость, никогда неразлучныхъ. У васъ нѣтъ и не должно быть другихъ видовъ. Если душа ваша благородна—вотъ ея цѣль“.

Эти программныя фразы написаны очевидно подъ впечатлѣніемъ идеи о божественномъ происхожденіи монархической власти; онѣ весьма любопытны для характеристики личныхъ взглядовъ Екатерины: говоря объ обязанности монарха радѣть о благѣ народа, она видитъ конечную цѣль въ той славѣ, которую осуществленіе этого блага даетъ правителю; роль радѣтельница о благѣ народа казалась ей самодовлѣющей и интересовала ее постолько, поскольку она могла озарить славою правителя. Въ этомъ отношеніи взглядъ Екатерины былъ отличенъ отъ взгляда Фридриха Великаго, называвшаго себя „первымъ слугою государства“.

Выработавъ себѣ представленіе объ идеальномъ государствѣ и о томъ, каковъ долженъ быть идеальный правитель, Екатерина считала самой важной обязанностью монарха дать странѣ хорошіе законы, и ее лично особенно прельщала болѣе всего слава законодателя. Цитируя Монтескье, она говоритъ объ этомъ въ Наказѣ: „Правда, что хорошее мнѣніе о славѣ и власти Царя могло бы умножить силы державы его, но хорошее мнѣніе о его правосудіи равнымъ образомъ умножить оныя“.

Правосудіе, какъ видно изъ этой цитаты, отождествлялось Екатериной съ благомъ народа, которое возможно тогда, когда у него хорошіе законы.

Прийдя къ убѣжденію, что главная цѣль и призваніе монарха—въ изданіи хорошихъ законовъ, Екатерина, по самому свойству своей натуры, не могла на этомъ остановиться, а должна была уяснить себѣ, какимъ путемъ возможно было достигнуть этой цѣли: передъ ней стала проблема практическаго осуществленія законодательной реформы.

На что же она могла опереться, чтобы подготовиться къ этой трудной и отвѣтственной задачѣ. Въ вопросы внутренней политики Екатерина, въ бытность великой княгиней, не была посвящена, о какомъ-нибудь опытѣ у нея въ дѣлѣ управленія, не могло быть и рѣчи; съ прошлымъ Россіи, съ ея исторіей она была еще мало знакома, оставалось подготовить себя къ будущей дѣятельности чтеніемъ, и она читала и дѣлала выписки, набрасывала замѣтки,

которыя послужили ей современемъ богатымъ матеріаломъ при составленіи Наказа.

Со вступленіемъ Екатерины на престолъ въ 1762 г. разрѣшилось то натянутое положеніе, въ какомъ она находилась съ самаго рожденія Павла Петровича. Скрытая дотолѣ ея энергія получила возможность выказать себя, и Императрица проявила вскорѣ такую кипучую дѣятельность, которая повергла въ изумленіе современниковъ Гр. Минихъ пишетъ, что Императрица работала по пятнадцати часовъ въ день.

Можетъ показаться страннымъ, что мысль о новомъ Уложеніи какъ будто мало занимала Екатерину въ первые годы ея царствованія. Хотя уже 9 августа 1762 г. была созвана законодательная комиссія подъ предсѣдательствомъ князя Шаховского, но въ обществѣ о намѣреніи Государыни приступить къ изданію новаго уложенія мало говорили и даже въ 1766 г., въ то время, когда Екатерина уже цѣлый годъ работала надъ Наказомъ, графъ Сиверсъ совѣтовалъ ей издать новое Уложеніе и писалъ, что это былъ бы самый прочный и самый славный памятникъ ея царствованія.

Екатерина не оставляла мысли, такъ давно ее занимавшей; но она работала цѣлыхъ полтора года надъ Наказомъ, читала и писала, не говоря объ этомъ окружающимъ ни слова; въ письмахъ же къ своимъ литературнымъ друзьямъ: Вольтеру, Даламберу и г-жѣ Жоффренъ, Государыня неоднократно упоминала о своей работѣ. Впрочемъ, кое-кто и изъ русскихъ также былъ посвященъ въ ея тайну, какъ это видно, напр., изъ письма канцлера Воронцова отъ 23 сентября 1768 г., въ которомъ онъ говоритъ о Наказѣ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ, а также изъ письма самой Екатерины къ г-жѣ Жоффренъ отъ 18 іюня того же года, въ которомъ она пишетъ, что всѣ, видѣвшіе уже ея работу, говорятъ, что это „non plus ultra“ совершенства.

Въ своихъ письмахъ къ г-жѣ Жоффренъ, Вольтеру и Даламберу Императрица излагала самый процессъ своей работы надъ Наказомъ; изъ нихъ мы узнаемъ, что Императрица посвящала этому труду ежедневно часа два—три, по утру, что ея работа подвигалась довольно быстро, такъ, напр., въ іюнь 1765 г., она пишетъ г-жѣ Жоффренъ, что у нея готово шестьдесятъ четыре страницы, а осенью было уже написано свыше ста страницъ; въ другомъ письмѣ она высказываетъ желаніе послать свой трудъ на просмотръ Даламберу, когда онъ будетъ достаточно выработанъ, но затѣмъ ей приходится отказаться отъ этой мысли, такъ какъ, написавъ половину Наказа, она его разорвала или сожгла.

Въ письмахъ говорится также о томъ, что Императрица „на

пользу имперіи обобрала президента Монтескье, не называя его“. „Надѣюсь, прибавляетъ Императрица, что если бы онъ съ того свѣта увидалъ меня работающею, то простилъ бы эту литературную кражу во благо 20 милліоновъ людей, которое изъ того послѣдуетъ. Онъ слишкомъ любилъ человѣчество, чтобы обидѣться тѣмъ; его книга служить для меня молитвенникомъ“.

Увлеченіе Екатерины теоріями Монтескье сказалось на содержаніи ея знаменитаго Наказа, въ который вошло до 250 статей изъ „Духа законовъ“. Готовясь къ своему труду, она перечитала кромѣ этого сочиненія „Преступленіе и Наказаніе“ Беккариа, „Essai“ Вольтера, „Institutions politiques“ Билефельса, сочиненія энциклопедистовъ и многія другія, менѣе значительныя сочиненія, которыя всѣ были испещрены ею замѣтками на поляхъ.

Она много разъ передѣлывала и переписывала свой Наказъ, частью исправляя слогъ, частью передѣлывая цѣлые параграфы по настоянію окружающихъ, по мнѣнію которыхъ они были слишкомъ либеральны. Подобныя отзывы не были неожиданностью для Императрицы; въ замѣткахъ, набросанныхъ ею еще въ бытность великой княгиней, она высказывала, напр., предположеніе, что всѣ мѣры, которыя будутъ клониться къ освобожденію крестьянъ, не встрѣтятъ сочувствія со стороны помѣщиковъ, людей, какъ она выражалась, исполненныхъ упрямства и предразсудковъ („remplis d'entêtement et de préjugés“). И въ самомъ дѣлѣ, ядъ новыхъ идей, высказанныхъ въ Наказѣ, которыя были навѣяны западно-европейской литературой и не имѣли дотолѣ права гражданства въ русскомъ обществѣ, а также взгляды Императрицы на предметы права государственнаго, уголовнаго, гражданскаго, были слишкомъ отличны отъ господствовавшихъ въ то время въ Россіи взглядовъ, чтобы не вызвать противодѣйствіе или, по меньшей мѣрѣ, критики и неодобренія со стороны русскихъ. Умный Н. И. Панинъ, ознакомившись съ Наказомъ, ограничился двусмысленнымъ замѣчаніемъ: „Ce sont des axiomes pour renverser des murailles“.

Возраженія русскихъ критиковъ Наказа касались, главнымъ образомъ, уголовныхъ наказаній и освобожденія крестьянъ,—двухъ вопросовъ, въ которыхъ особенно сказалось вліяніе на Наказъ западно-европейскихъ идей.

Энергичнымъ выразителемъ взгляда дворянства на освобожденіе крестьянъ былъ Сумароковъ, доводы котораго сводились къ разсужденію, что „продавать людей, какъ скотъ, не слѣдуетъ, но гдѣ же будетъ взять слугъ, если не будетъ крѣпостныхъ“. Онъ выражалъ, между прочимъ, опасеніе, что крестьяне, получивъ свободу, злоупотребятъ свободой, станутъ дерзки, лѣнивы,

Хотя Екатерина высмѣивала Сумарокова и его взгляды, но она не могла съ нимъ не считаться, ибо за его спиною стояла воля русскаго дворянства и духовенства. То же самое говорилъ нѣкогда епископъ ростовскій Арсеній Мацеевичъ, то же говорили: епископъ псковскій Иннокентій, епископъ тверской Гавріиль, генераль-прокуроръ князь Вяземскій, Г. Р. Державинъ, даже сама просвѣщенная княгиня Дашкова.

Объ огромномъ впечатлѣніи, произведенномъ въ Европѣ законодательной попыткой Екатерины, свидѣтельствуешь тотъ фактъ, что интересъ къ Наказу не ослабѣвалъ въ теченіе всего XIX вѣка, какъ это показываютъ многочисленныя изданія Наказа, появившіяся съ 1769 по 1907 г.

Первое изданіе Наказа, даннаго Императрицей Екатериной комиссіи о составленіи проекта новаго Уложенія, было роздано съѣхавшимся въ Петербургъ депутатамъ 24 августа 1767 г. съ предупрежденіемъ, чтобы они не снимали съ него копій и не давали бы переводить его на другіе языки, ибо Императрица сама позаботится о переводѣ его на французскій и нѣмецкій языки, дабы не былъ искаженъ смыслъ текста. И, дѣйствительно, въ томъ же году, въ Москвѣ появился Наказъ на нѣмецкомъ языкѣ, но этотъ переводъ, выполненный тн. сов. Минихомъ, ст. сов. Клигштедтомъ и историкомъ и академикомъ Г. Ф. Миллеромъ, не отличался точностью и по отзыву современниковъ былъ написанъ не особенно хорошимъ нѣмецкимъ языкомъ.

Первый оффиціальныи переводъ на французскій языкъ появился въ 1769 г. Посылая рукописный экземпляръ перевода Вольтеру, Екатерина писала, что „его не успѣли еще напечатать“. Вопросъ о томъ, кѣмъ сдѣланъ переводъ и сдѣланъ ли онъ съ русскаго оригинала или съ нѣмецкаго перевода остается невыясненнымъ. Екатерина не одобряла и французскаго перевода и приписывала его недостатки сравнительной бѣдности французскаго языка.

Въ 1770 г. появилось новое изданіе Наказа на четырехъ языкахъ: русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ. Изъ переписки Екатерины съ Фальконетомъ видно, что Императрица интересовалась малѣйшими подробностями этого изданія и придавала ему большое значеніе.

Этимъ исчерпываются оффиціальныя переводы Наказа, появившіеся при жизни Екатерины.

Желаніе Императрицы распространить Наказъ и видѣть его переведеннымъ на всѣ европейскіе языки нашло живой откликъ въ Западной Европѣ, гдѣ очень скоро, еще при жизни Императрицы, появились переводы ея труда на англійскій, италіанскій, голланд-

скій и польскій языки. Такимъ образомъ кругъ читателей Наказа постоянно расширялся, а универсальность вопросовъ, которые въ немъ затрогивались, была причиною того, что всякій, принимавшій хотя бы малѣйшее участіе въ литературномъ движеніи того времени, находилъ въ этомъ трудѣ что либо, что могло заинтересовать его и заставить призадуматься надъ затронутыми въ немъ вопросами. Такъ какъ Наказъ, по цѣли, ради которой онъ былъ написанъ, являлся произведеніемъ не только литературнымъ, но долженъ былъ служить основаніемъ при составленіи новаго Уложенія—Екатерина ясно писала г-жѣ Жоффрэнъ: „quoique la plume en soit novice, mais je répond de l'exécution en pratique“—то Императрица могла быть увѣренной въ томъ, что ея произведеніе прочтутъ не одни писатели, занимавшіеся теоретической разработкой затронутыхъ въ немъ вопросовъ, но и коронованцыя особы и государственные люди. И дѣйствительно, отзывами объ Наказѣ и ссылками на него полны всѣ литературныя произведенія XVIII вѣка: объ немъ говорится и въ письмахъ коронованныхъ особъ и государственныхъ людей и философовъ, объ немъ упоминаютъ въ своихъ сочиненіяхъ юристы, историки, путешественники упоминаютъ въ своихъ рѣчахъ академики, изъ него приводятся цитаты въ школьныхъ программахъ, такъ какъ онъ былъ весь проникнутъ духомъ новыхъ теорій и ученій, возвѣщенныхъ передовыми мыслителями Западной Европы, и ихъ гуманными идеями, то онъ вызвалъ всеобщій восторгъ и изумленіе, такъ что даже швейцарецъ Массонъ,—далеко не бывшій поклонникомъ Екатерины, долженъ былъ признать, что „вся Европа огласилась восторженными отзывами“, вызванными чтеніемъ Наказа, который называли „произведеніемъ самаго просвѣщеннаго ума и самаго чувствительнаго сердца“.

Этотъ отзывъ, въ которомъ „умъ противопоставлялся сердцу“, весьма характеренъ для того времени.

Превознося ученость Екатерины и ея начитанность, современные критики ея труда не только не ставили въ вину автору Наказа многочисленныя позаимствованія, сдѣланныя ею изъ Монтескье, Беккарія и др. писателей, въ чемъ ее укорили многіе писатели XIX вѣка, но они смотрѣли на то, что она черпала свои идеи изъ такихъ прекрасныхъ источниковъ, какъ на особую заслугу и доказательство мудрости коронованной русской законодательницы; можно только отмѣтить, что намѣреніе Екатерины построить новое Уложеніе на основѣ совершенно новыхъ, еще далеко не общепризнанныхъ литературныхъ теорій, воплотить ихъ, такъ сказать, на практикѣ, всѣхъ ошеломило и породило совершенно фантастическія представленія о Россіи и о русскихъ порядкахъ.

Не удивительно поэтому, что при появлении Наказа въ Западной Европѣ, считали возможнымъ осуществленіе законодательныхъ предначертаній Екатерины въ близкомъ будущемъ, но изумительно то, что въ это продолжали вѣрить въ то время, когда сама Императрица давно уже отказалась отъ своихъ проектовъ, и что даже иностранцы, подолгу жившіе въ Россіи, писали, что Екатерина осуществила свои планы и что ей удалось выполнить то, что не удалось Петру Великому,—такъ великъ былъ гипнозъ, произведенный на современниковъ безпримѣрной въ исторіи попыткой Императрицы Екатерины II начертать самой проектъ и основы новаго Уложенія.

Т.

